

Сальков А. П. Проблема Юлийской Крайны (Венеции-Джулии) в советской международной политике (1918—1945 гг.). А. П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 9-30

**А. П. Сальков**

## **ПРОБЛЕМА ЮЛИЙСКОЙ КРАЙНЫ (ВЕНЕЦИИ-ДЖУЛИИ) В СОВЕТСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ (1918—1945 гг.) \***

Одним из самых сложных, длительных и получивших наиболее позднее послевоенное урегулирование в Юго-Восточной Европе был югославско-итальянский территориальный конфликт в Юлийской Крайне (Венеции-Джулии). Эта историческая область включала территорию между итало-австро-венгерской границей 1918 г. на западе (без Канальской долины в Юлийских Альпах) и итало-югославской границей 1924 г. на востоке. В нее входили хорватские земли — Истрия с городом Риека и острова западной части Кварнерского залива, а также словенские земли — Приморье на побережье Триестинского залива с городом Триестом; Гориция в нижнем течении р. Соча с городами Тржич, Градишка, Горица; Фурлания в среднем и верхнем течении р. Соча с предгорьями Юлийских Альп. Каждый из этих регионов имел свою долгую историю и выделился в отдельную проблему.

**Предыстория конфликта.** Истрия (хорватская часть Юлийской Крайны) в VI—VIII вв. находилась под властью Византии. В 788—843 гг. эта территория принадлежала Франкской империи, а затем оставалась в составе германских государств — империи Каролингов, Восточно-Франкского королевства, Священной Римской империи, находясь в руках фурландских (венецианских) и германских маркграфов [1, str. 100—101]. В 1374 г. Истрия была поделена на Западную (венецианскую), вскоре составившую три четверти полуострова, и Внутреннюю (Пазинское графство и западная часть Кварнерского побережья с Риекой), по наследственному праву приобретенную Габсбургами. С падением Венецианской республики (1797) и в период наполеоновских войн Истрия находилась в сфере французского влияния, входила в состав Иллирийских провинций. В 1814—1918 гг. — под австрийской императорской властью. В 1786 г. было учреждено «Венгерское Приморье» с центром в Риеке, которое до 1918 г. принадлежало Венгерскому королевству в составе Австро-Венгерской империи [2, str. 124, 236—237; 3, str. 39, 68, 112].

Все словенские земли Юлийской Крайны, так же как и Истрия, в период Средневековья входили (с VII в.) в состав германских государств. В 1278 г. здесь установилась наследственная власть Габсбургов, просуществовавшая вплоть до 1918 г. Эти земли были включены в состав австрийской провинции Горица. Процесс денационализации автохтонного словенского и хорватского населения начался в первую очередь именно в городах Юлийской Крайны. Так, в удельном весе населения всей Истрии с 1846 по 1910 г. доля хорватов и словенцев сократилась с 73 до 52 %, а итальянцев — выросла с 26 до 39 %. В крупнейшем же городе

\* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2006—2010 гг. «История белорусской нации, государственности и культуры» (ГКПНИ «История и культура»).

**Сальков Анатолий Петрович** — заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

региона Риеке эта динамика имела еще более впечатляющий вид — в 1880—1918 гг. доля югославян уменьшилась с 46 до 23 %, а итальянцев возросла с 44 до 62 % [4, str. 27—30]. Свою собственную драматическую историю имел город-порт Триест (Тырст, Терст). Он противостоял ожесточенному натиску венецианцев, которые, подчинив славянские поселения в Истрии, пытались захватить и сам город. На протяжении XIII—XIV вв. прошли пять триестинско-венецианских войн — 1202, 1287—1291, 1368—1369, 1372, 1379 гг., в ходе которых город четырежды на время захватывался Венецией. Это заставило Триест в 1382 г добровольно перейти под суверенитет австрийского герцога [5, str. 26]. С тех пор вплоть до 1918 г. (за исключением периода Иллирийских провинций в 1809—1813 гг.) город входил в состав монархии Габсбургов. Если в XVIII в. словенцы составляли большинство населения Триеста, то в начале XIX в. — уже только 31 %. Возраставший поток итальянских колонистов усугублял эту тенденцию. Однако славянский характер Триеста не вызывал сомнений. Об этом говорил в парламенте в 1886 г. премьер-министр Италии А. Ламармор, писал британский историк А. Тойнби в главе «Триест и Италия» своей книги «Национальность и война» (1915), позже данный факт активно использовался советской и югославской дипломатией [6, л. 34—36].

В это время развивались самые драматические для населения края события (по более поздней югославской фразеологии) в «мученической истории Юлийской Крайны» [7, л. 27]. Перед войной Италия была в союзе с Германией и Австро-Венгрией, но тяготилась им. Рим стремился как можно дороже продать Антанте свое ренегатство, выдвинув обширные территориальные требования в отношении хорватских и словенских земель, входивших в состав Австро-Венгрии. Они были сообщены министру иностранных дел России С. Д. Сазонову 11 марта 1915 г. в памятной записке английского посольства в Петрограде. Уже 15 марта Сазонов в докладе Николаю II решительно возразил против итальянских планов, отстаивая гипотетические послевоенные интересы Хорватии: «Россия не может согласиться на переход в руки Италии почти всех земель со славянским населением на Адриатическом побережье... Россия могла бы в крайнем случае примириться с уступкой Италии Триеста со всей Истрией и островом Кварнеро [Црес. — А. С.]... Прибрежная же полоса от Волоски [поселок на берегу самой северной точки Риекского залива у восточного основания Истрийского полуострова. — А. С.] до реки Керки [Крка. — А. С.] с прилегающими островами должна бы принадлежать Хорватии, в какое бы политическое целое Хорватия ни вылилась после войны» [8, л. 37—38].

Однако нажим Лондона и Парижа на Петроград усиливался. К тому же Россия получила 6 марта согласие Антанты на оккупацию Константинополя. В марте — апреле было оформлено англо-франко-русское соглашение, сформулировавшее эфемерную национальную сверхидею России — после войны она должна была приобрести европейский берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а на малоазийском побережье Турции — огромную полосу между Босфором и Измирским заливом. Настроения в Ставке в Могилеве также были в пользу скорейшего вовлечения Италии в войну. Все это заставило царя уступить, и 21 апреля он сообщил президенту Франции Р. Пуанкаре о своем согласии с требованиями Италии, несмотря на то что они «находятся в противоречии с интересами славянских народов, принесение в жертву которых заставляет предвидеть в будущем опасности» [9, с. 157—158]. 26 апреля 1915 г. Италия заключила Лондонское секретное соглашение. По нему Великобритания, Франция и Россия пообещали Италии за вступление в войну на их стороне всю Юлийскую Крайну (с Горицей и Градишкой), всю Истрию, Тентино (Цизальпийский Тироль), почти всю Далмацию с островами (земли *Italiaizzidenta*), английский заем в 50 млн фунтов стерлингов и даже исправление границ в Ливии и Сомали [10, str. 52]. Это была цена, перед которой Италия не устояла. В мае 1915 г. ее войска напали на словенские земли Австро-Венгрии.

В ответ Вена инициировала в июле 1915 г. политическую акцию «Краина и Приморье» под руководством словенца Виктора Андрейки, которую поддержало

нировалось создать в рамках Австро-Венгрии автономную «Иллирийскую административную область», которая охватывала бы Триест, Горицу-Градишку, Краину, Южную Корушку (Каринтию), Нижнюю Штирию, Истрию и Далмацию. Причем итальянцев на этих землях следовало славянизировать, а сербов хорватизировать. Во второй фазе акции созданная таким образом «Великая Словения» должна была соединиться с Хорватией, Славонией, Боснией и Герцеговиной, что отразило идею триализма монархии Габсбургов [11, str. 206].

В 1915—1917 гг. линия австрийско-итальянского фронта базировалась вдоль пограничной реки Соча. На Сочанском фронте, которым командовал фельдмаршал Светозар Бороевич, в течение двух с половиной лет состоялось 13 напряженных сражений. В результате итальянцам удалось продвинуться к востоку от р. Сочи на словенские территории всего лишь от 4 до 12 км, заняв населенные пункты Баньшице, Солкан, Горицу, Опатье-село, Добердоб. Особенно драматично в общественном сознании воспринималась потеря последнего из этих городов: «Добердоб — мечты словенской гроб» [5, str. 213—216].

На хорватских землях западного побережья Истрии венские власти с началом войны предприняли массовое перемещение населения (в Венгрию, Чехию и Моравию) из районов Пулы, где находилась главная военно-морская база, и Ровиня с целью создания военно-оперативной зоны [12, str. 213—216]. Однако военные действия на Истрии не велись.

**Развитие территориального конфликта в межвоенный период.** В конце Первой мировой войны югославянские земли отделились от Австро-Венгрии, установив независимое Государство словенцев, хорватов и сербов (ГСХС, существовало с 29 октября 1918 г., войдя 1 декабря 1918 г. в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев — КСХС). Советская Россия признала независимость высшего органа ГСХС — Загребского национального веча. В начале ноября 1918 г. Италия (в соответствии с Лондонским соглашением 1915 г.) вторглась на территорию ГСХС, формально не имевшего международного признания, но фактически являвшегося международно-правовым субъектом. Ее войска оккупировали Словенское Приморье, Тренто, Триест, Истрию, Зару, а военные корабли вошли в порт Фиуме. Вместе с тем областное Словенское народное правительство в Любляне особым Указом об управлении в переходный период от 21 ноября перечислило свои территории, отнеся к ним Краину, Горицу, словенскую часть Истрии, Триест с окрестностями, Штирию, Каринтию [13, с. 15—18].

После выдвигения в январе 1918 г. 14 пунктов американского президента В. Вильсона, определявших послевоенное устройство мира и включавших принцип самоопределения наций, в Риме стало ясно, что выполнение лондонских договоренностей в полном объеме вряд ли осуществимо. Накануне открытия мирной конференции глава югославской военной миссии в Париже генерал П. Пешич разработал пакет документов о границах КСХС, в том числе и с Италией. Документ включал общие принципы разграничения в Гориции, Истрии и Далмации, а также карту сухопутной границы [14, dodatak, dok. 6, s. 319—320]. На Парижской мирной конференции (ПМК, январь 1919 — январь 1920 г.) югославская делегация внесла Меморандум в связи с ревендикацией (правом на возвращение утраченных территорий) КСХС, который отразил максималистский подход Белграда и содержал подробные исторические, этнические и экономические обоснования на владение Горицией, Градишкой, городом Горицей, Истрией, городом Триестом [14, dodatak, dok. 8, s. 352—359]. Однако после долгих консультаций 23 апреля 1919 г. появилась декларация Вильсона, которая оставляла за

Италией всю Истрию. Югославы, понимая, что он остался едва ли ни единственным защитником их интересов, вынуждены были согласиться с предложенной границей, получившей название «линия Вильсона» [15, с. 225—229]. Однако Италия потребовала передать ей еще и Риекку (Фиуме), апеллируя к этническому составу населения города — 25 тыс. итальянцев, 15 тыс. славян, 6 тыс. венгров. Возражения делегации США и отказ ПМК удовлетворить эту претензию вызвали в Италии бурю негодования, обусловив требования «восстановить справедливость силой». В это время по Сен-Жерменскому мирному договору с Австрией (10 сентября

1919 г.) большая часть словенских земель составила австрийскую провинцию Каринтия, и лишь малая часть Каринтии и Краины — Канальская долина с Трбижем (Тревизо), Градиш-ка — отошла к Италии. Она получила также Истрию, о. Црес, Зару [16, с. 48—49; 17, с. 6].

В атмосфере шовинизма отряд итальянских националистов-добровольцев во главе с поэтом Габриэле д'Анунцио, который еще в апреле 1919 г. публично заявил о широкой ирредентистской программе и намерении захватить Риекку, 12 сентября без боя вступил в город, объявив о его присоединении к Италии [подробней см. 18]. Журнал «Коммунистический Интернационал» (1921, № 18) отозвался на события статьей. В ней делался широкий вывод о том, что «первоначальное развитие фашизма надо отнести к тому моменту, когда развернулись события в Фиуме» [19, док. 1, с. 49]. Вскоре д'Анунцио расширил экспансию на острова Кварнерского залива и на восточное побережье Истрии, создав 8 сентября 1920 г. здесь «Итальянское управление Кварнера» с административным центром в Риекке [20, str. 274—275].

Территориальные обещания союзников в пользу Италии были реализованы в рамках грабительского для Королевства СХС Рапалльского соглашения 12 ноября 1920 г. Этот акт закрепил за Италией всю Истрию с Триестом, западную часть Кварнерского залива (Кварнера) с островами Црес и Лошинь, г. Задар (Зару), передал отдаленные острова Ластово и Палагружу. В Риекке было образовано «свободное государство Фиуме». Тем самым 10 тыс. кв. км территории с 600 тыс. хорватов и словенцев оказались в границах Италии [21, str. 19]. Д'Анунцио не признал Рапалльское соглашение и 21 декабря объявил в городе военное положение. Только после военных столкновений с итальянскими частями фашисты д'Анунцио в начале января 1921 г. ушли из Риекки. Однако после победы автономистов на выборах Италия 27 апреля 1921 г. ввела свои войска в город, а 3 марта 1922 г. инспирировала там государственный переворот, который привел к власти партию аннексионистов [20, str. 276—277].

Обращает внимание изменившаяся оценка Москвой проблемы Риекки. В письме наркома НКВД Г. В. Чичерина полпреду СССР в Чехословакии К. К. Юреневу от 5 октября 1923 г. нарком в связи с «фиумским вопросом» вспоминает свою поездку к д'Анунцио и «публичные дружественные заявления Муссолини по нашему адресу», советуя полпреду использовать «достаточно гибкие формулы», которыми можно свободно оперировать «не переступая их ни в ту, ни в другую сторону» [22, док. 83, с. 145]. Юренев в письме от 20 октября 1923 г. делает свой вывод: «Фиумский вопрос до сих пор не продвинулся ни на шаг вперед. Правда, он утратил свою первоначальную внешне драматическую форму и принял хронический характер, но по существу антагонизм между Италией и Югославией прогрессивно углубляется» [23, л. 117]. Между тем в результате политики умиротворения Б. Муссолини (пришел к власти в октябре 1922 г.), которая проводилась югославским королем Александром I, вскоре были заключены итало-югославские «Римские соглашения» (27 января 1924 г.), продемонстрировавшие незыблемость территориальных принципов Версальской системы [24, str. 35—39] <sup>1</sup>. В марте 1924 г. в развитие этого документа был подписан договор о разделе «свободного

государства Фиуме». Италии отошел сам город Риека (Фиуме), а пригород Сушак с портом Барош и дельтой р. Речины достался Королевству СХС [25, стр. 174—176].

Параллельно шел процесс советско-итальянского урегулирования, завершившийся 7 февраля 1924 г. признанием Италией де-юре Советского Союза. В тот же день был подписан внушительный пакет документов — торговый договор, таможенная конвенция, протокол о концессиях [26, док. 53, с. 127; док. 54, с. 143; док. 57, с. 148; док. 58, с. 150]. Это упрочило меж-

<sup>1</sup> В 1975 г. Институт истории хорватского рабочего движения в Загребе, ввиду исключительной важности для хорватской историографии адриатической проблемы, истории Истрии и Словенского Приморья, вопросов югославно-итальянских отношений, издал 17-й номер «Журнала новейшей истории», своего печатного органа с тематической подборкой статей и материалов, посвященных указанным проблемам. — См.: *Casopis za suvremenu povijest* (Zagreb). 1975. Broj 1 (17)).

дународное положение обеих стран и обусловило некоторое потепление в их отношениях. В результате интерес Москвы к итало-югославским спорным проблемам резко понизился.

Между тем славянское население Юлийской Крайны в 1920—1930-х гг. подвергалось в Италии жестокому национальному гнету, подавлялось развитие его культуры и интеллигенции. Постепенно были закрыты все существовавшие (по состоянию на 1913 г.) 448 начальных и 10 средних словенских и хорватских школ, родной язык был запрещен даже в церкви, ликвидировалась вся национальная печать, хозяйственные организации, увольнялись служащие-славяне, обитательничались словенские и хорватские фамилии, запрещалось пение национальных песен. Все несогласные подвергались репрессиям, в 1926 г. для их преследования был создан специальный суд. Существовало постоянное стремление придать всей области итальянский характер. Из внутренних частей Италии присылались чиновники и колонисты. Общее число итальянских переселенцев составило за межвоенный период 100—150 тыс. чел. Тем не менее подавляющее большинство словенцев Триеста и хорватов Истрии сохранили и укрепили свое национальное самосознание, развивали культуру [7, л. 27].

Во второй половине 1930-х гг. на юге Европы реализовывались внешнеполитические амбиции двух тоталитарных государств. Германия стремилась в любой форме подчинить Австрию. Италия же старалась противодействовать этому, рассматривая Австрию как буфер против германской мощи, но была вынуждена искать поддержки Берлина в интересах укрепления своих позиций в Средиземноморье. В октябре 1936 г. был подписан итало-германский протокол о сотрудничестве, названный, по образному выражению Б. Муссолини, «осью Берлин — Рим». Его суть состояла в предварительном разграничении сфер влияния на Балканах и в Дунайском бассейне. Италия отходила от своих прежних позиций в отношении Австрии, надеясь с согласия Германии включить в орбиту своего влияния балканские страны и весь район Средиземного моря с перспективой превращения его в свое *Mare nostrum* («внутреннее озеро») [27, с. 233—236]. Все еще пытаясь затормозить поглощение Австрии Германией, Муссолини, который питал самые недружественные чувства к Югославии, все же пошел на сближение с ней. Он санкционировал подписание в Белграде 25 марта 1937 г. итало-югославского соглашения о дружбе и нейтралитете, пункт 4 которого говорил о недопустимости какой-либо политической активности, направленной на нарушение территориальной целостности другой договаривающейся стороны. Это обязывало Италию прекратить у себя деятельность усташей, поэтому уже 1 апреля их глава А. Павелич распустил усташеские лагеря и всю хорватскую революционную организацию «Усташа», функционировавшую в Италии [28, с. 434—435]. В сентябре 1937 г. Муссолини дал Гитлеру политическое согласие на аншлюс Австрии. В январе 1938 г. аналогичное, но

вполне бутафорское согласие было получено и от югославского премьер-министра М. Стоядиновича. 11 марта 1938 г. Третий рейх осуществил аншлюс Австрии, что дало ему возможность доминирования в регионе и проникновения как на Балканы, так и в Адриатику. Локальный конфликт в Юлийской Крайне оказался полностью заслоненным общеевропейским кризисом вокруг Австрии, а позже — Чехословакии.

С началом Второй мировой войны вокруг Балкан велись традиционные дипломатические маневры, отражавшие попытки европейских держав сохранить или усилить здесь свое влияние. Однако после стремительного разгрома Германией и исчезновения Франции как великой державы (капитулировала 22 июня 1940 г.) Балканы, превратившись в один из главных очагов напряженности, привлекли пристальное внимание СССР. Новая ситуация побуждала Москву и Рим объединить свои интересы на Балканах в попытке создать противовес растущему германскому влиянию. 24 июня Советский Союз наконец установил дипломатические отношения с Югославией, последней из стран Юго-Восточной Европы, которая ранее отказывалась его признавать. 28 июня, в день советизации Бессарабии, толкнувшей Румынию в объятия Германии, был подтвержден пакт о ненападении между СССР и Италией (1933), что закрепляло их новое партнерство. Началась спешная разработка принципов советской поли-

тики на Балканах. Она исходила из признания главенствующей роли Италии в Средиземноморье и надежд, что Италия взамен признает советские интересы на Черном море. Однако Германия, начавшая активную фазу своего утверждения на Балканах, оборвала «мертворожденное сотрудничество» СССР и Италии [29, с. 43—44]. События вокруг Балкан во второй половине 1940 — начале 1941 г. показали, что вслед за Румынией Москва проиграла Берлину в борьбе и за Болгарию, и за Югославию. Германия, подчинив большую часть Балкан (Италии был оставлен ее албанский плацдарм), вытеснила оттуда Советский Союз (равно как и Великобританию), исключив какое-либо советское влияние в регионе [30, с. 368—374].

**Территориальные пределы в Венеции-Джулии в апреле 1941 — сентябре 1943 г.** В ходе германо-итало-венгерской агрессии против Югославии (6—17 апреля 1941 г.) начали реализовываться предварительные договоренности А. Гитлера и Б. Муссолини о территориальном разделе страны, изложенные в директиве начальника штаба ОКВ фельдмаршала В. Кейтеля от 3 апреля 1941 г. На Венской встрече министров иностранных дел Германии и Италии И. Риббентропа и Г. Чиано (21—22 апреля) был подробно обсужден вопрос о разделе Югославии, а Южная Словения, Истрия и Далматинское побережье были отнесены к итальянской сфере влияния. 24 апреля зоны государственных интересов Германии и Италии были определены военной демаркационной линией [31, с. 178—180]. Под итальянской властью оказались словенские аграрные области южнее верхнего течения Савы (Доленьска и Нотраньска), а также крупнейший словенский город Любляна. На этой территории была образована Люблянская покраина (4,5 тыс. кв. км, 339,3 тыс. чел.), имевшая выход на Адриатику в районе Фиуме, с правом некоторой автономии. Преобладающая часть населения — словенцы, около 14 тыс. немцев, проживавших в районе Кочевья, были репатриированы в Германию. 3 мая 1941 г. это образование во главе с Эмилио Грациоли, верховным представителем итальянского короля, в формально-правовом смысле было включено в состав Италии [32, р. 5—6].

Хотя нападение на Югославию было прямо связано с заключением 5 апреля 1941 г. советско-югославского договора о дружбе и ненападении, никакой внятной реакции из Москвы ни на сам факт агрессии, ни на раздел страны не последовало. Более того, в документе Ближневосточного отдела НКВД СССР (датирован апрелем) содержится мнение: «Не исключено, что немцы, извещенные НКВД через Шуленбурга о том, что югославская миссия ожидает инструкций своего правительства, приняли меры к тому,

чтобы эти инструкции не попали по назначению [они не были получены ни 5, ни 6 апреля. — А. С.], и в то же время ускорили нападение на Югославию, рассчитывая опередить заключение нами договора с Югославией» [33, док 30, с. 35]. 8 мая 1941 г. Москва прекратила деятельность в СССР югославской миссии, а посланника стала рассматривать как частное лицо [33, док. 34, с. 37—38].

Первоначальная «мягкость» итальянского оккупационного режима в Люблянской покраине (организация краевого совета — конзулто, отсрочка итальянизации населения, двуязычие, деятельность словенских культурных и образовательных структур) к началу 1942 г. сменилась его ужесточением. Вся провинция и ее столица Любляна объявлялись военной зоной, итальянские оккупанты стали говорить о «реальной войне» («*guerra guerreggiata*»). Начались массовые аресты (всего в тюрьмах находилось 13 тыс. чел., около 10 % среди которых — из Юлийского региона), полицейские налеты, депортация словенцев [34, str. 5—6].

Независимое Хорватское государство (НГХ, провозглашено уставами 10 апреля 1941 г.) по договору с Германией от 13 мая согласилось с немецкой аннексией Северной Словении (севернее верхнего течения Савы), хотя граница и проходила всего в 20 км от Загреба [35, str. 48—49]. По договору НГХ с Италией (Римское соглашение) от 18 мая 1941 г. восточная часть Кварнерского залива (Кварнерич) с крупными островами Крк и Раб, большая часть Далмации (с городами Задар, Шибеник, Сплит) и далматинских островов (Дуги-Оток, Кор-нат, Шолта, Вис, Корчула, Млет), а также обширный черногорский район вокруг Бока-Которского залива с г. Цетинье (всего 5,4 тыс. кв. км, 380 тыс. чел.) были аннексированы

Италией [36, str. 98—108]. Рим завладел всей Юлийской Краиной и почти всей Далмацией (кроме Винодол-Подгорья с островом Паг, островов Брач и Хвар, полуострова Пельешац и Дубровника). Перекройка границ в этом районе Югославии на время завершилась. Свою позицию по территориальному вопросу имело и югославское королевское правительство в эмиграции. Его премьер-министр Д. Симович в своем выступлении по радио Лондона 27 июня 1941 г. заявил, что после войны Югославия должна получить Истрию, Триест, Горицу, Градишку и часть Корушки (Словенской Каринтии). Это заявление базировалось на обещаниях Великобритании, хотя и противоречило в то время интересам США [37, str. 136].

С началом советско-германской войны СССР начал выработать свою позицию о будущем Европы. На переговорах с главой Форин Офис А. Иденом 16 декабря 1941 г. в Москве В. И. Сталин предложил общую схему реорганизации границ после войны. Что касалось Югославии, то она «должна быть восстановлена в своих старых границах и несколько расширена за счет Италии (Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море и т. д.)» [38, док. 328, с. 502]. Эта позиция, скорее всего, отвечала цели ослабления Италии как члена фашистской «оси» и не была связана с перспективой послевоенной организации власти в Югославии.

Принципы построения послевоенного мира впервые подробно были обсуждены на переговорах А. Идена с Ф. Рузвельтом в Вашингтоне в марте 1943 г. Хотя США официально выступили за возрождение Югославии как независимой страны, Рузвельт не верил тогда в возможность ее восстановления как целостного государства. Он считал Югославию «нежизнеспособной» из-за нерешенных национальных противоречий, поэтому высказал на переговорах идею отделения Словении и Хорватии с передачей последней под опеку [32, примеч. 486, с. 527]. Майский, имевший с Иденом 7 и 12 апреля «две большие беседы, посвященные его поездке в Америку», сделал выводы, касающиеся Балканского полуострова: «Рузвельт и его сотрудники очень интересуются судьбой

Балкан, но не имеют вполне ясной установки по этому вопросу и не знают, что там произойдет после войны» [39, док. 209, с. 370].

Новую обстановку на Балканах создал в июле 1943 г. выход Италии из войны и отвод ее войск с полуострова. На встрече имперского министра иностранных дел И. Риббентропа с Р. Гуарильей, министром иностранных дел в итальянском кабинете П. Бадольо, состоявшейся 6 августа, было решено отозвать итальянский армейский корпус из трех дивизий, «расположенный в настоящее время на словено-хорватской территории» [40, с. 174]. Германский вермахт оккупировал всю бывшую итальянскую зону в Югославии (создана Римским соглашением 18 мая 1941 г.), а также Истрию с Триестом (принадлежали Италии еще со времен Рапалльского соглашения 1920 г.). В свою очередь Ф. Рузвельт и У. Черчилль на конференции в Квебеке в середине августа 1943 г. утвердили планы захвата Италии [41, док. 252, с. 423]. Это переводило проблему Юлийской Крайны в практическую плоскость. Самые первые обещания передать регион или его часть Югославии были даны США и Англией еще в начале 1941 г. в попытке предотвратить присоединение Белграда к фашистской «оси». В условиях выхода Италии из войны Рузвельт подтвердил это намерение, заверив югославского посла К. Фотича, что несправедливая передача Италии в 1919 г. словенской по этническому составу части Истрии будет скорректирована после войны [42, с. 200—201]. 3 сентября 1943 г. Италия подписала на Сицилии «Краткие условия» капитуляции, что вызвало лихорадочные действия в стане и фашистских, и коммунистических сил.

10 сентября А. Гитлер создал своим решением «Оперативную зону Адриатического побережья» (*Adriatisches Küstenland*) и «Оперативную зону Альпийского предгорья» (*Alpenvorland*), которые были переданы немецкому гражданскому управлению во главе с Фридрихом Рай-нером. Эти зоны включали Фурланию, Горицу, Люблянскую покраину, Истрию, острова Квар-нера и итальянскую область Удине. Ее административным центром был Триест, а окружными центрами — Любляна, Риека, Пула и Удине [43, str. 35]. В тот же день с согласия фюрера поглавник НГХ А. Павелич подписал документ о денонсации Римского соглаше-

ния 18 мая 1941 г., что означало возврат Хорватии Далмации, но не имело касательства к судьбе Истрии и Риеки [36, str. 365—378]. Одновременно Оскар Турина был назначен главой гражданского управления возвращенных территорий, причем в сферу его ответственности поглавник включил и Истрию, и Риеку, обозначенную как административный центр. Усташеская верхушка явно намеревалась расширить свою территориальную юрисдикцию и на этот регион. Уже 13 сентября Павелич в телеграмме Гитлеру высказал претензию на восточную часть Истрии и Риеку, что не дало реальных результатов. Попытка Турины прибыть в Риеку для установления там хорватской администрации была пресечена немецкими властями и германским посланником в НГХ Зигфридом Каше. Турину просто не впустили в город, отправив обратно в Загреб. Причиной германо-хорватской напряженности вокруг Истрии было старое, еще с XIX в., немецкое устремление расширить свою экспансию в направлении Восточного Средиземноморья именно через Северо-Адриатическое побережье. В свою очередь, вооруженные силы НГХ, построенные по принципу ополчения (домобранское войско), были не способны защищать морское побережье на большой протяженности [44, str. 218—219]. Германия не забывала и о своем союзнике Муссолини, которому она помогла учредить на севере Италии фашистское государство — Итальянскую социальную республику («Республику Салу»), существовавшую с 18 сентября 1943 по 25 апреля 1945 г. Дуче не признал денонсации Павеличем Римского соглашения 1941 г. и отказался направить своего посланника в Загреб. В сентябре 1944 г. посол республики в Берлине Ф. Анфузо сетовал по случаю трансформации своего государства в марионеточное. Он особо подчеркивал



немецкую оккупацию значительной части Северо-Восточной Италии (читай Венеции-Джулии) и «фактическое разрушение [Германией. — А. С.], материальное и моральное, всех итальянских интересов на Балканах и в Средиземноморье в целом» [45, с. 14]. Поразительно, но в данном аспекте политика Берлина совершенно не противоречила намерениям союзников по антигитлеровской коалиции в отношении Италии.

По мере успешного развития антифашистского движения и центральные, и региональные органы власти новой Югославии стали поднимать территориальную проблему Юлийской Крайны. Еще до капитуляции Италии — 1 марта и 26 мая 1943 г. Антифашистское вече народного освобождения Хорватии (АВНОХ) делало заявления о будущей югославско-итальянской границе. Окружные народно-освободительные комитеты Приморской Словении (11 сентября) и Истрии (13 сентября) приняли решения об объединении Приморья со Словенией, а Истрии с Хорватией. АВНОХ заявил 20 сентября о присоединении к Хорватии Истрии, Риеки, островов Кварнерского залива, Задара, о. Ластово и Палагружа. Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) 30 сентября 1943 г. подтвердило это решение [46, str. 142—144]. Однако словенское и хорватское освободительные движения не воспринимали национальных запросов итальянского населения Истрии, что выразилось в итальянских погромах осенью 1943 г. в городах западного побережья полуострова [47, str. 50]. В этой связи в итальянской, а позже в словенской и хорватской историографии возникло понятие «istrske fojbe». Буквально это карстовые пещеры и расщелины, повсеместно встречающиеся в известняковых горах Истрии. Однако за этим понятием стоит представление об этническом терроре, когда тела казненных итальянцев сбрасывались в пещеры. Это повторилось весной 1945 г., но уже в более массовом и организованном масштабе. Проблема fojbe вызвала широкую дискуссию и получила отражение в научной литературе [см. 48; 49].

Между тем Италия подписала на Мальте 29 сентября «Исчерпывающие условия» капитуляции, согласованные с советским руководством, и объявила 13 октября 1943 г. войну Германии. В связи с этим СССР, Великобритания и США в тот же день признали Италию «совместно воюющей стороной» [39, док. 292, с. 476], что существенно повлияло на ее восприятие союзниками при решении впоследствии территориальных проблем Словенского Приморья и особенно Триеста. Вместе с тем в сентябре — октябре 1943 г. в антигитлеровской коалиции

шло активное обсуждение вопроса об ответственности за управление на освобождаемых неприятельских территориях [50, док. 179, с. 392—393]. У. Черчилль в письме Ф. Рузвельту 7 октября 1943 г. прямо заявил, что считает «Аппенинский и Балканский полуострова единым целым в военном и политическом отношении и что фактически они относятся к одному театру военных действий...» [41, док. 256, с. 427]. В этом выразилось заблаговременное стремление западных союзников к доминированию в регионе.

**Югославско-итальянская граница в советском планировании послевоенного устройства.** В перечне проблем, подлежащих разработке созданной в сентябре 1943 г. Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР (Комиссия Литвинова), в разделе XIV «Югославия» обозначался один из приоритетов: «Югославско-итальянская граница (Далмация, Триест, Фиуме)» [51, док. 55, с. 245]. На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.) состоялся широкий обмен мнениями о положении в Италии и на Балканах. Однако ни в советском предложении о политике в отношении Италии, ни в «Декларации об Италии», принятой в качестве приложения № 4 к секретному протоколу конференции, не содержалось упоминания о границах. Правда, в решении о Консультативном совете по вопросам Италии (приложение № 3) глухо упоминались

«специальные интересы» Югославии и Греции, возникшие в результате нападения Италии на эти страны [52, док. 63, с. 253; док. 95, с. 323—326].

Тегеранская конференция (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) вновь обошла молчанием югославско-итальянские территориальные проблемы. Однако Ф. Рузвельт в ходе беседы со Сталиным 29 ноября ознакомил того с докладом американского представителя при штабе И. Броз Тито. Из документа следовало, что Национально-освободительная армия Югославии (НОАЮ) контролирует значительную часть Адриатического побережья и что американцы осознают и политическое значение партизанского фактора в Югославии, и стратегическую значимость пространства «от побережья Адриатического моря до бассейна Дуная» [53, док. 56, с. 101; примеч. 24, с. 163]. У. Черчилль в конце декабря сформулировал три новых фактора, на которых должна основываться югославская политика Англии: «партизаны будут правителями Югославии»; они так важны в военном отношении, что нужно оказывать им полную поддержку, «подчиняя политические соображения военным»; крайне сомнительно, что монархию можно рассматривать впредь как «объединяющий элемент в Югославии» [54, с. 264]. Вообще на протяжении второй половины 1943 г. внимание западных союзников к югу Европы переакцентировалось с Сицилии на Истрию и ее города Триест, Пула, Фиуме. Сразу после Тегерана, в ходе Каирской конференции в декабре 1943 г., западные союзники, опасаясь, что Красная армия первой вступит в Австрию, обсуждали планы продвижения туда своих войск через Триест и Любляну [55, р. 29—33].

Проблема отношения к Италии, влияния СССР на Балканах и связанное с этим формирование взглядов на новую итало-югославскую границу все более волновало советскую дипломатию. В концептуальной разработке заместителя наркома иностранных дел И. М. Майского по вопросам послевоенного устройства от 10 января 1944 г. в разделе «Италия» подчеркивалось, что стране «необходимо дать понять, что союзники, в частности СССР, не забыли ее роли в этой войне». Предлагалось гарантировать Италии целостность ее европейских владений, «но исключая все ее прежние владения на Балканах». В разделе «Балканы» в весьма спокойной лексике указывалось: «Югославия может быть восстановлена в своих прежних границах, если потребуется, с теми или иными частичными модификациями. Конечно, при всех территориальных перестройках на Балканах необходимо в основном исходить из национального принципа» [56, док. 1, с. 28, 31—32].

К весне 1944 г. советское руководство вполне ясно осознало, с какими международными проблемами может быть связано заявленное КПЮ намерение присоединить к новой Югославии Триест с сопредельной областью. В Москве усматривали три источника трудностей:

негативную позицию Великобритании и США; еще более отрицательное отношение итальянского правительства П. Бадольо; противоречия из-за спорной области между КПЮ и ИКП, вынудившие обе партии апеллировать по данному поводу к Москве. Не желая обострения всех трех болезненных проблем, СССР на том этапе склонился к решению не стимулировать триестинский вопрос и выждать более подходящее время для его постановки [57, с. 45].

Летом 1944 г. муссировалась новая возможность высадки союзников на территории Югославии. Об этом Тито писал Сталину в письме от 5 июля 1944 г. Отмечая, что если дело дойдет до переговоров о высадке («такая высадка не была бы для нас приятной»), Тито сообщал о своем намерении предложить ее осуществление «возможно меньшими силами» и в основном в районе Истрии и Хорватского Приморья [58, раздел «Югославия», док. 20, с. 210].

В конце лета 1944 г. в Комиссии Литвинова завершалась разработка объемной записки «Об обращении с Италией». На заседании 4 сентября (протокол № 9) членами Комиссии был предпринят критический разбор ее исторической части. Я. З. Суриц отметил, что адриатическая проблема была решена вопреки интересам Югославии, а границы Рапалльского договора 1920 г. позволяли Италии «угрожать всему словенскому району, особенно Любляне», не оставив молодому государству ни одного настоящего морского порта. Причина такой несправедливости отчасти явилась результатом «временного устранения России от обсуждения судеб Адриатики». Для исправления этой несправедливости теперь Югославии должна быть уступлена вся Истрия. Далее Суриц весьма изобретательно увязал адриатическую проблему с македонской. Он считал, что оставление Македонии за Югославией послужило бы «источником вечных трений и столкновений» между Софией и Белградом. По мнению Сурица, «так или иначе Югославии, по всей вероятности, придется поступиться своим суверенитетом над Македонией, с чем она примирится лишь тогда, если получит достаточную компенсацию в другом месте». В качестве таковой допускалась передача Югославии всей Истрии. Однако у него были «некоторые сомнения относительно Триеста» — следует ли и его целиком передать Югославии или, изъяв из суверенитета Италии, придать Триесту «характер нейтрального и поставленного под международный контроль порта». М. М. Литвинов склонялся к последнему решению, руководствуясь этническим составом населения. Однако Суриц сослался на перепись 1913 г., по которой в Триесте проживало 118 тыс. итальянцев и около 70 тыс. славян, поэтому его нельзя рассматривать как «сплошь итальянский город». В качестве порта Триест обслуживает не долину реки По, а бассейн рек Савы и Дравы, поэтому больше является портом славянским, чем итальянским. В силу всех этих соображений Суриц считал «возможным допустить в качестве одного из вариантов и отход Триеста к Югославии» [59, л.70—72].

С. А. Лозовский полагал, что Италия не должна «подвергнуться такой же экзекуции, как Германия», однако расценивал эту мысль как «политическую грань для внутреннего употребления». Вместе с тем он опасался, что, проявляя более мягкое отношение к Италии (которая могла рассматриваться советской дипломатией в качестве противовеса Лондону), можно создать прецедент для Англии в ее попытках проявлять более мягкое отношение к Германии (которая могла рассматриваться британской дипломатией в качестве противовеса Москве). В итоге Лозовский предлагал действовать так, чтобы Италия «действительно, по-настоящему почувствовала результаты этой войны, потеряв колонии и целый ряд территорий». Поэтому он предлагал передать Триест Югославии, а не превращать его в интернациональный город, и «решиться на более жесткие меры», чем намеченные в справке [59, л. 73—75].

Е. В. Тарле был наиболее решительно настроен против Италии, которая, по его словам, трижды за последние 130 лет вела против России завоевательные войны. Он считал, что «силы Италии всякий раз обращались в товар, который более или менее выгодно продавался любому сильному хищнику, который шел против нас». Предлагая ослабить Италию, Тарле считал, что она «всегда будет продавать свою силу против нас, а если она будет слабой, то ее никто не купит». Он настаивал: Италия должна быть наказанной, чтобы она «не вышла сухой

из воды, иначе это будет иметь развращающий эффект». Тарле также прогнозировал и предупреждал: «Ведь предстоят тревожные еще времена, и память об известном рода ущербе, который влечет за собой нападение на Россию, будет иметь действие даже для итальянского народа, впечатлительного, легко увлекающегося и трижды воевавшего против нас без провокации с нашей стороны» [59, л. 76—78]. Б. Е. Штейн решительно отклонил даже на уровне «внутреннего употребления» аргумент Лозовского о

взаимосвязи между отношением к Италии и Германии. Он полагал: «так мы ни в одном вопросе не сможем проводить собственную линию из боязни, что Англия воспользуется этим в вопросе о Германии». На Балканах же «необходимо прекратить какую бы то ни было роль Италии» [59, л. 79].

Подводя итог дискуссии, Литвинов высказал ряд примечательных мыслей. Он не считал, что, изгоняя Италию из Балкан, необходимо «полностью изгнать ее из Истрийского полуострова, западное побережье которого нисколько не связано с Балканами. Стыком можно считать скорее Горицию». При этом он отнюдь не предлагал отдать часть Истрии Италии, а лишь напоминал (чтобы «не ускользнула такая возможность»), что может представиться «такой крайний случай, когда можно будет предоставить Италии несколько городов на побережье Истрийского полуострова, населенных итальянцами». В отношении Триеста Литвинов развернул целую систему взглядов. Во-первых, он считал, что Триест как порт не нужен ни Италии, ни Югославии, если последняя получит Фиуме и Зару. Поэтому полагал правильным «предоставить Триест в пользование тем государствам, которые не имеют выхода к Южным морям — Австрии, Чехословакии», каковые могли бы иметь на основе порто-франко свои участки со складами и оборудованием в порту Триеста. Во-вторых, он всего лишь допускал: «Возможно, что при некоторых особых наших отношениях с Югославией мы предпочтем передать ей и Триест». Однако тут же оговаривался, что мировое общественное мнение, вероятно, будет возражать против передачи Югославии города, населенного преимущественно итальянцами. В-третьих, Литвинов весьма благосклонно высказался в пользу интернационализации Триеста: «нам неплохо было бы иметь свой наблюдательный пункт в Адриатике, каковой мы получим, если будем участвовать в международной администрации Триеста» [59, л. 80—82]. Таким образом, в Москве окончательно не сложилась концепция относительно Истрии, а тем более Триеста, и не созрел план действий в данном регионе. Однако уже были налицо завышенные представления Москвы о возможностях СССР продуцировать выгодные для себя решения, к тому же в условиях их высокой вариабельности.

Все эти особенности советской позиции и касательно Италии, и касательно региона Юлийской Краины нашли свое отражение в утвержденном 8 сентября 1944 г. тексте записки Комиссии Литвинова «Об обращении с Италией». Тональность документа свидетельствовала: «к побежденной Италии можно применить менее жесткое обращение, чем к Германии». Это обосновывалось следующими аргументами: «в силу своей экономической слабости и зависимости Италия никогда не представляла собой серьезной самостоятельной угрозы миру.», при этом «наши непосредственные интересы и интересы Италии никогда и нигде не сталкивались и вряд ли могут столкнуться в будущем...», СССР не заинтересован в «чрезмерном и длительном ослаблении Италии», имея в виду, что в будущем она может быть использована «в качестве барьера агрессии других государств в районах, интересующих СССР». Учитывалось и то, что в межвоенный период Италия больше, чем Франция, «служила помехой полному господству Англии в Средиземном море», а также могла бы служить противовесом Турции. Поэтому в справке резюмировалось: «... в) при уверенности в укреплении нашего влияния в Югославии, удовлетворить требование последней в отношении Гориции и Истрии; г) город и порт Триест интернационализировать под администрацией международной комиссии.; д) при любом пересмотре итало-югославской границы оставить за Югославией порт Фиуме; е) передать Югославии порт Зара и все острова, расположенные вдоль югославского побережья Адриатического моря» [8, л. 44—47, 55—57]. В новейших исследованиях по

истории советско-итальянских отношений особо и с сожалением подчеркивается, что руководство МИД СССР решило не учитывать рекомендации комиссии в отношении

Триеста [60, с. 43]. Это способствовало впоследствии возникновению локального конфликта, быстро переросшего в острый и опасный международный кризис.

**Территориальные претензии Югославии в советско-югославских и международных отношениях (сентябрь 1944 — май 1945 г.).** К концу войны в югославском коммунистическом руководстве созрела концепция включения в состав обновленного государства всех славянских территорий, оставшихся за пределами королевской Югославии по итогам Первой мировой войны. Едва ли не ключевым пунктом этих территориальных претензий была Юлийская Крайна. Вместе с тем становилась очевидной решающая роль советского фактора в реализации этих планов, что требовало их координации с Москвой и выявило их расхождение с политическими интересами лидеров антигитлеровской коалиции.

Председатель Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) И. Броз Тито еще в письме Молотову от 5 июля 1944 г. отмечал, что «уже сейчас мы встречаем трудности с соседними странами и даже с народными движениями». Далее Тито изложил мысли вполне программного характера: «Разумеется, что вопрос границ и самоопределения отдельных национальных меньшинств в приграничных зонах будет тем больше назревать, чем ближе окончание войны. Поэтому будет необходимо произвести все приготовления, чтобы эти запутанные проблемы решились на мирной конференции как можно легче и благоприятнее» [33, док. 348, с. 282]. Следует отметить, что ряд югославских «приготовлений» (прочитывается как распространение своего политического влияния и военного присутствия на спорные территории) вызывал несогласие и явные коррективы со стороны Москвы [61, с. 49—50].

Несмотря на успехи народно-освободительного движения в Югославии, вступление советских войск 22 сентября 1944 г. на ее территорию и освобождение 15 октября Белграда, проблема влияния великих держав на Балканах вообще и в Югославии в частности продолжала оставаться нерешенной. Еще в мае 1944 г. начались советско-британские переговоры о разделе сфер ответственности на Балканах (главным образом речь шла о Румынии и Греции). СССР был готов к такому разделу, но ввиду возражений Ф. Рузвельта Черчилль предложил трехмесячный мораторий на уже согласованный в целом комплекс мероприятий [54, с. 373—374]. В ходе визита У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. он предложил свое знаменитое «процентное соглашение» — попытку, по определению О. А. Ржешевского, «в необычной форме разграничить сферы послевоенного устройства Европы и таким образом найти путь к геополитическому компромиссу на ближайшие годы». И на первой встрече Черчилля со Сталиным 9 октября, и по итогам двухдневного «торга» Молотова с А. Иденом, влияние СССР и Запада в Югославии осталось равным — 50 на 50 % [62, док. 161, с. 420—423; док. 162, с. 433—434, 436]. Собственно американское влияние в Югославии в этот период было выражено весьма слабо. После официального визита короля Петра II в США в июле 1942 г., где он встретил чрезвычайно теплый прием, было подписано соглашение о взаимопомощи. Однако в декабре 1943 г. Лондон, а вслед за ним и Вашингтон, лишили поддержки лидера сербских четников, военного министра югославского эмигрантского правительства Д. Михайловича. Пропагандистская машина Запада начала работать в пользу Тито и его партизан [63, с. 79—82].

Между тем югославское коммунистическое руководство уже неоднократно высказывало значительные территориальные претензии ко всем соседним странам, включая Италию. Однако еще в ходе встречи У. Черчилля с И. Броз Тито и И. Шубашичем в Неаполе (12—13 августа 1944 г.) стало очевидным стремление западных союзников установить свой контроль и военное управление в Триесте. Это заставило новые югославские власти вновь заявить 12 сентября о решимости присоединить этот город с обширным регионом (тем более что там уже активно действовали части НОАЮ) и обратиться за содействием в решении триестинского вопроса к Москве. В ходе визита И. Броз Тито в СССР 21—28 сентября 1944 г. и его

переговоров со Сталиным было согласовано решение о временном вступлении советских войск на территорию Югославии, о чем Молотов уведомил британского и американского послов в СССР — А. Керра и А. Гарримана. В обоих письмах говорилось, что просьба исходила от советского командования, обратившегося к НКОЮ и командованию НОАЮ. Та же формулировка использовалась и в официальном сообщении ТАСС от 29 сентября. Она была призвана создать прецедент того, что любая союзная держава, намеренная использовать территорию Югославии для действий своих войск, должна была получить согласие югославских властей. Все это было направлено на предотвращение возможной высадки западных союзников на Адриатическом побережье Югославии без такового согласия. Три упомянутых советских документа фактически признавали НКОЮ в качестве подлинной власти в стране [33, док. 407—408, с. 317—318; док. 411, с. 419—420; примеч. 840, с. 574].

Однако именно осенью 1944 г. начала реализовываться и одна из самых загадочных советских внешнеполитических инициатив на Балканах, о которой нет упоминаний в российской исследовательской литературе. Речь идет о двух попытках СССР за спиной югославского коммунистического и военного руководства установить контакты с НГХ. Их целью, как считается в современной хорватской историографии, был выход Красной армии на Адриатическое побережье раньше англо-американских войск и занятие Триеста. В сентябре советская сторона предприняла первую подобную попытку — через главу хорватского торгового представительства в Цюрихе (Швейцария) И. Милковича она рассчитывала установить контакт с поглавником НГХ А. Павеличем. Смысл предложения сводился к следующему: Москва не имеет ничего против существования хорватского государства и его режима, но нуждается в проходе своих войск к Адриатике, что лучше всего обеспечить мирным, а не военным путем. Павелич отклонил такую возможность и проинформировал командующего силами вермахта на Адриатике адмирала И. Лейтцмана, который истолковал этот отказ глубокими и давними антикоммунистическими убеждениями поглавника [64, str. 9—18].

В этот же период в Комиссии Литвинова была подготовлена концептуальная справка «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества» (датирована 15 ноября 1944 г.), которая по своему содержанию представляла скорее обзор геополитического соперничества двух стран на морях с конца XVIII в. Документ показывает, что советская дипломатия вполне осознавала складывание новой расстановки сил на Балканах, которая вернет СССР роль ведущей державы в регионе. Ход военных действий «вывел уже Советский Союз за ту границу, которая со времен Крымской кампании неизменно признавалась рубежом, дальше которого Россию пускать нельзя — за устье Дуная». Признание преобладающего влияния СССР в Румынии и Болгарии (то есть на восточном — Черноморском побережье Балкан) стало неизбежным. Однако с появлением Красной армии в Югославии и ее возможным продвижением на юг — к Западной Фракии и на запад — к Истрии и Далмации, возникла реальная угроза английским интересам. Британия, как отмечалось в справке, будет стремиться «никому не уступить контроля над выходом из Балкан в Эгейское [южное побережье полуострова — *А. С.*] и Адриатическое [западное побережье полуострова — *А. С.*] моря» [65, л. 32]. Однако заманчивые для Москвы геополитические резоны были жестко детерминированы целым рядом международных, внешнеполитических и военных обстоятельств.

В ходе визита делегации НКОЮ в СССР ее глава А. Хебранг (был известен тем, что не только выступал за расширение югославских границ, но и высказывал недовольство границами, предоставленными его родной республике — Хорватии) на встрече со Сталиным 9 января 1945 г. заявил о необходимости присоединения Истрии с портами Триест, Пула и Риека. Это было аргументировано тем, что «Истрия населена хорватами и

словенцами, и лишь в портовых городах имеется известный процент итальянцев», в подтверждение чего была показана этнографическая карта края с предполагаемой границей. Реакция Сталина была осторожной: «необходимо, чтобы сами эти области требовали своего присоединения к Югославии».

Члены югославской делегации, среди которых был и начальник Генерального штаба НОАЮ А. Йованович, заверили, что «эти области полностью находятся в югославских руках», а антифашистские веча Хорватии и Словении уже приняли решения об их присоединении к Югославии. В Триесте же и Риеке (Фиуме) имеются лишь малочисленные группы, которые требуют «автономии для этого района под протекторатом Англии». На это Сталин и Молотов как-то нехотя вспомнили о неофициальном разговоре с Черчиллем, который предлагал выделить Истрию в автономную область, что позволило бы будущей Австрии получить выход к Адриатическому морю. Тем самым советское руководство, не отвергая югославских претензий к Италии, склонялось к их решению дипломатическим («на будущей мирной конференции»), а не военным или иным явочным путем [66, док. 37, с. 126—127]. После встречи Хебранг телеграфировал Тито 11 января 1945 г.: «По многим политическим вопросам их мнение отличается от нашего. Нужно быть осмотрительными во внешнеполитических вопросах. Надо избегать больших требований к соседним странам, чтобы не вызвать их негативного отношения или столкновения с нами» [33, док. 517, с. 398].

На Крымской конференции (4—11 февраля 1945 г.) проблему итало-югославской границы поднял А. Иден 8 февраля на заседании трех министров иностранных дел, пока не ставя «вопроса о том, какой должна быть эта граница». 10 февраля он вручил В. М. Молотову и госсекретарю США Э. Стеттиниусу британские «Заметки для министров иностранных дел относительно Венеции-Джулии», воспроизводившие позицию Черчилля о границе в районе Истрии — Триеста, занятую им еще в августе 1944 г. на встрече с Тито. В «Заметках» Иден справедливо отмечал, что «провинция Венеция-Джулия на северо-востоке Италии представляет собой потенциальный пороховой погреб». Первоначально Лондон предполагал установить союзную (британскую) военную администрацию во всей провинции в ее довоенных границах, когда она входила в состав Италии. Однако столкнулся с явным несогласием Тито, поняв, что он, «несомненно, намерен сам управлять значительными территориями, которые, по его мнению, должны принадлежать Югославии и часть которых уже контролируется его партизанами». Имея в виду угрозу военных столкновений как между английскими частями и армией Тито, так и между югославскими и итальянскими партизанами, Иден предложил выработать временную демаркационную линию в Венеции-Джулии. После этого дипломатической задачей официального Лондона было бы получить согласие Тито на данную линию. Однако проблема не была рассмотрена на Крымской конференции, так как инициативы Идена из-за советского противодействия не имели шансов быть принятыми. В письме Молотову он предложил снять их с обсуждения, продолжив переговоры по дипломатическим каналам [67, док. 11, с. 134; док. 17 и прилож. 4, с. 196, 201—202; док. 22, с. 255; док. 28, с. 281]. Даже будучи благовидно отклоненной, эта инициатива отразила стремление Лондона воспрепятствовать возможному установлению югославского контроля над сопредельными территориями Италии со словенским и хорватским населением. Новая же Югославия провозгласила своей задачей присоединение этих земель.

9 марта 1945 г. была обнародована программная Декларация единого югославского правительства. В жестком письме Молотова, адресованном 15 марта Тито, Э. Карделю и А. Хебрангу, она подвергалась критике и характеризовалась «не вполне

удовлетворительной и, пожалуй, даже бледной». В Декларации, наряду с прочим, выдвигалась задача, чтобы «наши национальные территории, оставшиеся после Первой мировой войны вне границ нашего государства, были присоединены, тем более что общим народно-освободительным восстанием... они фактически уже присоединились и определились за демократическую федеративную Югославию». Причем аргументировалась эта задача не только принципом самоопределения и этническим большинством, но и тем, что именно на этих территориях славянские народы своей вооруженной борьбой «оказали большие услуги общему делу объединенных наций» [33, док. 555, с. 422; примеч. 1081, с. 605].

Интересно, что Советский Союз все еще не отказался от идеи получить с помощью Павелича возможность продвинуться к побережью Адриатики через территорию НГХ. В марте 1945 г. поглавник получил письмо советского посла во Франции А. Е. Богомолова, в котором говорилось о готовности СССР при соблюдении уже более жестких условий: НГХ пропускает советские части к своему Адриатическому побережью; обязывается не вступать ни в какие антисоветские альянсы; разрешает свободное функционирование Компартии Хорватии. Однако и эта попытка советско-хорватского контакта не дала конкретных результатов [44, str. 235]. Примечательно, что Компартия Хорватии, созданная группировкой Тито в ЦК КПЮ в августе 1937 г., вызывала острое раздражение в Коминтерне еще летом 1941 г. В указаниях Г. Димитрова руководителю пункта связи Коминтерна в Югославии И. Копиничу от 4 июля содержалась крайне резкая оценка: «Позиция хорватского ЦК трусливая и предательская». В новом предписании от 9 июля 1941 г. Димитров даже предлагал Копиничу создать другой центр, проводящий линию Москвы [68, док 14 и примеч. 3, с. 113].

5—20 апреля 1945 г. проходил официальный визит югославской правительственной делегации в СССР. Территориальные претензии Демократической федеративной Югославии (ДФЮ) изложил бывший премьер эмигрантского, министр иностранных дел единого югославского правительства И. Шубашич на встрече с Молотовым 6 апреля. Они «исчерпывались» Истрией и граничащими с Югославией районами Австрии и Венгрии. Черчилль, по словам Шубашича, «очень неопределенно» высказывался об этих претензиях и рекомендовал вообще не упоминать об Истрии. Шубашич обратил внимание на то, что «Ватикан ведет большую работу против передачи Истрии Югославии, создавая различные проекты вроде проекта образования самостоятельного государства Истрии, которое, по замыслам Ватикана, осуществляло бы свое влияние среди католиков Словении». Тем не менее, Шубашич полагал, что если «в ходе нынешней войны югославские войска займут Истрию, то в этом случае для Югославии будет легче разрешить вопрос об исправлении своих границ с Италией». Предвидя разногласия, он поручил югославским историкам разработать «самую строгую и объективную аргументацию югославских территориальных претензий», считая, что границы должны исправляться «при строгом соблюдении национальных, этнографических принципов». Шубашич пообещал прислать Молотову меморандум с подробной характеристикой югославских территориальных претензий и с географической картой [33, док. 564, с. 429—430].

Примечательно, что взгляды, вполне схожие с упомянутыми мнениями и Тито, и Шубашича, изложил Сталин за ужином на даче в Кунцево после подписания 11 апреля Договора о дружбе между СССР и ДФЮ. Эти взгляды касались особого характера текущей войны и сводились, по воспоминаниям М. Джиласа, к следующему: «Кто оккупирует территорию, тот навязывает ей свою собственную социальную систему. Каждый навязывает свою собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться его армия. По-другому и быть не может» [69, с. 131—132]. Не случайно в



последние дни войны в Европе возникли два крупных политических кризиса, связанных с югославским военным присутствием в двух сопредельных регионах — австрийской провинции Каринтия (ее южные районы со словенским населением югославы называли Корушкой) и в Триесте, став тревожными предвестниками холодной войны.

Касательно Корушки следует отметить, что территориальные притязания Югославии были тесно связаны с возможностью ее участия в оккупации Австрии. Соответствующая нота была направлена в начале апреля 1945 г. правительствам СССР, Великобритании, США и Франции. В ней ставился вопрос о получении Югославией на территории Австрии особой зоны, где проживало славянское население, для осуществления от имени союзников военной оккупации и административных функций. СССР 19 апреля согласился с участием Югославии в оккупации части австрийской территории в рамках советской оккупационной зоны. Это обусловило уверенность Тито, как следует из протокола заседания политбюро ЦК КПЮ от 23 ап-

реля, что «наши части оккупируют часть Австрии». Проблема, в свойственной для югославам манере, трактовалась в более широком формате. Поэтому речь на заседании зашла даже о необходимости предусмотреть в «новоосвобожденных районах» кандидатуры комендантов районов, городов, командные должности в тылу «для Истрии, Триеста, Корушки и австрийских районов» [33, док. 579, с. 442; док. 582, с. 443—444; примеч. 1112, с. 611—612]. В середине мая — начале июля части 3-ей югославской армии уже дислоцировались в этой зоне, но под напором союзников вынуждены были покинуть австрийскую территорию [подробней см. 70].

**Триестинский кризис (май — июнь 1945 г.).** Что касалось Триеста, то англичане больше всего опасались сценария событий с захватом югославами Триеста военным путем [подробней см. 71]. Еще 21 февраля 1945 г. на переговорах в Белграде главнокомандующий западными силами на Средиземноморье фельдмаршал Г. Александер предложил маршалу Тито, чтобы на всей спорной территории Истрии было установлено военное управление западных союзников. Отклонив это предложение, югославский лидер, тем не менее, заключил «соглашение Тито — Александер». Его смысл сводился к тому, что одна часть спорной территории переходила под югославское как военное, так и гражданское управление. Другая часть, включая Триест, Монфальконе, Горицу и Пулу, — под западное военное управление с югославской гражданской властью. Как объяснял позже Тито, причиной его уступчивости была уверенность, что югославские войска не смогут достигнуть Триеста раньше союзных [57, с. 46—59]. К апрелю 1945 г. условная линия разграничения, оговоренная в «соглашении» нарушалась и той, и другой стороной из-за отсутствия письменного документа и точной демаркации. 28 апреля Александер получил указание командования оккупировать всю Истрию, Риеку и острова Кварнера. Черчилль взывал к Г. Трумэну: «Жизненно важно взять Триест раньше партизан Тито. Это политико-военная операция. Нельзя ждать ни минуты». 30 апреля — 3 мая союзные войска заняли большую часть Юлийской Крайны [43, с. 204].

Однако в результате отчаянного броска 1—2 мая 1945 г. югославские части, опередив союзников на несколько часов, заняли Триест, Тржич, Горицу и большую часть Словенского Приморья, выйдя на линию р. Соча. Западные союзники, срочно брошенные к Триесту, заняли его пригороды и порт [72, стр. 142—144]. 5 мая Тито резко высказался о «"нахальном поступке" англичан [на деле это была новозеландская дивизия — *A. C.*], вошедших в Триест после его освобождения Югославской армией, да еще заявивших о взятии пленных». Он обозначил свою позицию: «Англичане хотят иметь Триест, но мы его не отдадим, мы не можем его отдать. Триест мы ни в коем случае им не можем уступить — англичане пользуются портом и этого для них достаточно» [58, разд. «Югославия», док. 106, с. 280—281].

На протяжении первой половины мая союзники требовали выполнения февральского соглашения, а югославы всячески стремились сохранить Триест и всю область под своим военным и административным контролем, пожертвовав лишь портом. 15 мая к урегулированию углублявшегося кризиса подключились правительства Великобритании и США. В своих нотах Белграду они потребовали немедленного согласия на военное управление союзников в Триесте. При этом речь шла не об эвакуации югославских войск из города и западной зоны, а лишь об их сотрудничестве в деле организации управления союзников в Триесте и в этой зоне. В тот же день Черчилль направил специальное послание Сталину, что выводило Москву из позиции формального невмешательства в конфликт и требовало занять определенную позицию. 18 мая она была сформулирована (на совещании Сталина с югославским послом В. Поповичем с участием Молотова и Вышинского) и заключалась в следующем. Сталин прагматично расценил сохранение югославского военного и административного присутствия в Триесте как уступку. По его мнению, она давала шанс (даже при установлении там контроля Запада) для последующей дипломатической борьбы за судьбу края с получением в итоге хотя бы части той зоны, где должен установиться контроль Александра. Подобная позиция расходилась с устремлениями Тито, который еще 17 мая спешно ответил на ноты

союзников, настаивая на сохранении своего военного контроля над всей занятой территорией. В обстановке глубоких терзаний Белград не решает отвергнуть рекомендации Москвы, но выдвигает условия равного статуса своих войск с западными, полного сохранения своей гражданской власти, увеличения своей — восточной зоны Венеции-Джулии (она охватывала в основном Истрию). 21 мая в Москве было получено послание президента США Г. Трумэна, в котором он прямо обращался к Сталину за содействием в урегулировании проблемы на базе западных требований, изложенных 15 мая. В тот же день — 21 мая — Белград в своей ноте и сам соглашается с платформой 15 мая. После затянувшейся дипломатической паузы Запад дает ответ (в Москве он получен 31 мая, а в Белграде — 2 июня) на югославскую ноту от 21 мая, к которому был приложен проект соглашения. Югославское военное присутствие сводилось к символическому двухтысячному контингенту, что означало фактическое отстранение Белграда от реального участия в управлении зоной, которая отходила под западный контроль. В югославской историографии существует версия (не подтвержденная документально) о том, что в секретном приказе Тито от 6 июня цитировалась телеграмма Сталина, потребовавшего в течение 48 часов вывести югославские войска под командованием генерала П. Дапчевича из Триеста, мотивируя это тем, что СССР не хочет из-за триестинского вопроса быть втянутым в третью мировую войну. 8 июня Сталин ответил на послание Трумэна, лишь скромно упомянув о «югославских интересах». Таким образом, и Москва, и надевшийся на ее поддержку Белград вынуждены были отступить. Триестинский кризис обратился крупным политико-дипломатическим поражением Югославии. По оценке наиболее глубокого знатока проблемы Л. Я. Гибианского, возможности СССР были «лимитированы практическим соотношением сил на мировой арене и тем реальным местом, какое триестинский вопрос занимал в иерархии приоритетов тогдашней советской внешней политики». Однако если попытка югославского военного присутствия в Словенской Корушке закончилась полной неудачей, то в случае с Триестом налицо был явный компромисс [57, с. 48—59].

Белградское соглашение ДФЮ с Англией и США от 9 июня 1945 г. закрепило положение, которое предусматривалось еще «соглашением Тито — Александр» (февраль 1945 г.). Отдельным соглашением от 20 июля между начальником штаба союзных войск в Италии генерал-лейтенантом У. Морганом и начальником штаба НОАЮ генерал-лейтенантом А. Йовановичем была определена линия демаркации (так наз. линия

Моргана). Она делила Венецию-Джулию на зону «А» (северо-западная часть края с Триестом и анклав Пулы на южной оконечности Истрии), оккупированную англо-американскими войсками и зону «Б» — (остальная, большая часть края), контролируемую вооруженными силами Югославии [73, стр. 368—371].

Спор о Триесте имел многомерный формат. Он затронул и отношения между ВКП (б) и Итальянской компартией (ИКП). Ее лидер П. Тольятти в феврале и апреле 1945 г. направил в Москву два обращения по триестинскому вопросу. В них, как отметил в своем дневнике Г. Димитров, Тольятти считал Триест итальянским городом, опасаясь, что спор за него «внесет раскол в итальянском народе и между итальянским и югославским народами» [74, с. 241—242]. Третье, самое резкое послание, было направлено в середине мая. Димитров, получив телеграмму Эрколи (то есть П. Тольятти), 18 мая письмом сообщил об этом Сталину, а копию этого письма направил Молотову [75, л. 45—48]. В нем говорилось, что югославская позиция в вопросе о Триесте затрудняет положение ИКП и «создает англо-американцам ненужную популярность». Однако 28 мая Димитров с санкции Сталина направил ответ, в котором говорилось о целесообразности передачи Триеста Югославии и рекомендовалось Тольятти публично занять именно такую позицию [76, с. 194], что руководством ИКП фактически исполнено не было.

Кроме геостратегического значения Триеста, большую роль для Запада играл и гуманитарный фактор. Наихудшее впечатление на западных союзников произвело жестокое поведение югославских войск в Триесте, что замалчивалось в советской и югославской историо-

графии. По ряду данных югославы устроили в городе резню пленных немцев, итальянских полицейских, и даже итальянских антифашистов, считавших, что Триест должен оставаться в составе Италии. Количество расстрелянных определяется разными авторами от 2 до 3,5 тыс. человек [77, с. 240; 77, р. 86].

40-дневный «триестинский кризис» поставил мир на грань новой войны. Советский посол в Лондоне Ф. Т. Гусев в своей телеграмме в Москву рассказал о завтраке у Черчилля 18 мая, где тот на повышенных тонах изложил пять конфликтных проблем в отношениях Запада с СССР. Открывал этот перечень Триест. Позиция британского премьера в изложении Гусева была следующей: «Тито подкрался к Триесту и хочет завладеть им. Черчилль показал руками на столе, как Тито подкрадывается к Триесту. Мы не позволим, — прорычал Черчилль, — чтобы территориальные вопросы решались путем захвата, а не на мирной конференции. Тито не желает отводить свои войска из Триеста. Триест входит в нашу зону оккупации и, как порт, он должен стать международным под итальянским флагом». Характеризуя серьезность общего положения, Черчилль, не слушая возражений Гусева, заявил: «Ваш фронт проходит от Любека до Триеста. Вы держите в своих руках столицы и никого туда не пускаете [в апреле — мае 1945 г. Вена, Берлин и Прага были вне досягаемости войск западных союзников. — *А. С.*], положение в Триесте угрожающее... общая атмосфера накалена». В дополнительной телеграмме в тот же день Гусев сообщал, что Черчилль «говорил о Триесте и Польше с большим раздражением и нескрываемой злобой. По его поведению видно было, что он с трудом сдерживает себя». В рассекреченном в 1998 г. личном досье У. Черчилля был обнаружен план экстренной операции «Немыслимое» по военному вытеснению Красной армии из Центральной Европы (начал разрабатываться не позднее апреля, а датирован 22 мая 1945 г.). План содержал вывод: «Для надежного и прочного достижения нашей политической цели необходим разгром России в тотальной войне» [62, док. 185, с. 520—521; док. 186 и комментарий, с. 524—527]. Таким образом, спешное урегулирование за счет (гипертрофированных на тот момент) интересов Югославии триестинского кризиса не решило триестинскую проблему.

**Выводы.** Хорватско- и словенско-итальянский национально-территориальный конфликт в Юлийской Крайне (Венеции-Джулии), имевший глубокие исторические корни, после Первой мировой войны вступил в свою новую, еще более острую фазу. Этому способствовали решения Парижской мирной конференции 1919 г. и аннексионистские условия Рапалльского соглашения 12 ноября 1920 г. между Италией и Королевством СХС. Первоначально Советская Россия, отстраненная от Версальского урегулирования и питавшая неприязненные чувства к Белграду, реагировала лишь на отдельные события масштабного конфликта вокруг Юлийской Крайны. В первую очередь это касалось захвата итальянскими фашистами Риеки (Фиуме), «фиумский вопрос» отслеживался советской дипломатией. Однако после итало-югославских решений в январе и марте 1924 г. о разделе «свободного государства Фиуме» и советско-итальянского сближения на базе признания де-юре СССР Римом (7 февраля 1924 г.) этот вопрос утратил актуальность. Германско-итальянская агрессия против Югославии в апреле 1941 г. и ее разгром обусловили территориальный раздел на Адриатическом побережье Балкан в пользу Италии. Рим создал здесь свою провинцию — Люблянскую Покраину, минимально учитывая фактор и интересы НГХ. Выход Италии из войны в 1943 г. привел к новому территориальному переделу, когда вся итальянская зона оккупации перешла под контроль Германии.

С началом советско-германской войны в Москве началась выработка собственной позиции о будущем Европы, в том числе и переустройстве в районе Юлийской Крайны. Первые представления, сформулированные в декабре 1941 г., исходили из целей простого ослабления Италии. Ситуация кардинально поменялась в 1943 г., когда СССР, исходя из своих национально-государственных интересов, стал настойчиво моделировать послевоенное устрой-

ство Европы. В сентябре органы власти новой Югославии приняли решения об объединении Приморья со Словенией, а Истрии с Хорватией. Именно в это время начинает свою деятельность Комиссия Литвинова, разработавшая и концептуальную справку «Об обращении с Италией», которая содержала рекомендации по решению регионального конфликта, в том числе оставление Триеста за Италией. Вскоре становится очевидным, что югославское коммунистическое руководство выдвигает территориальные претензии ко всем соседним странам, но наибольшие — к Италии. Последнее противоречило позиции Великобритании и США (о чем свидетельствовала дискуссия на Крымской конференции) и частично расходилось с интересами СССР (что отразилось в ходе визитов югославских руководителей в Москву в январе и апреле 1945 г.). Триестинский кризис (май — июнь 1945 г.) был вызван занятием югославской армией Триеста, города с преимущественным итальянским населением. Москва первоначально благосклонно отнеслась к этому событию, но развитие кризиса, ставшего первым предвестником начинающейся «холодной войны», заставило советское руководство оказать нажим на И. Броз Тито и вынудить его оставить город. Урегулирование триестинского кризиса не решило триестинскую проблему, интернационализированную в последующие годы.

Проблема Триеста горячо, напряженно и драматично обсуждалась на трех сессиях Совета министров иностранных дел в Лондоне, Париже и Нью-Йорке в 1945—1946 гг., а также на Парижской мирной конференции 1946 г. Неразрешимая ситуация потребовала создания особого государственного образования — Свободной территории Триест (СТТ), которое стало важным фактором в развитии советско-югославского конфликта и складывавшегося неблагоприятного положения в международном коммунистическом движении. В октябре 1954 г. (уже без участия СССР) в Лондоне был заключен договор о разделе территории СТТ, по которому узкая полоса вдоль Триестинского залива с

Триестом и мелкими городками была все же присоединена к Италии, а остальная часть СТТ отошла Югославии. Окончательно югославо-итальянская граница была подтверждена только соглашениями 10 ноября 1975 г. в итальянском городе Осимо.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Hrvatski povijesni atlas / priredili Kresimir Regan, Tomislav Kaniski. Zagreb Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 2003. 387 str.
2. *Pavlicevic, D.* Povijest Hrvatske / Dragutin Pavlicevic. 3. dopunjeno izd. Zagreb: Naklada Pavicic, 2002. 630 str.
3. *Antoljak, S.* Pregled hrvatske povijesti / Stjepan Antoljak, [suautori Sime Batovic... et al.]. 2. dopunjeno izd. Split: Orbis : Laus, 1994. 248 str.
4. *Vecerina, D.* Talijanski iredentizam / Dusko Vecerina. Zagreb : Vlast. nakl., 2001. 290 str.
5. Clovenci skozi cas: Kronika slovenske zgodovine / Janez Marolt [et al.], uredil Jaro Mihelac. Ljubljana: Mihelac, 1998. 519 str.
6. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 432 (Парижская мирная конференция 1946 г.). Оп. 1. П. 12. Д. 29 — Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии. Заседания № 1—43.
7. АВП РФ. Ф. 0431/1 (I сессия СМВД в Лондоне, 1945 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 5 — Протоколы заседаний сессии, приложения.
8. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 06. П. 17. Д. 147 — Справка Комиссии Литвинова «Об обращении с Италией».
9. За балканскими фронтами Первой мировой войны / В. Н. Виноградов (отв. ред.). М. : Индрик, 2002. 504 с.
10. *Boban, B.* Stjepan Radic u vrijeme Prvog svjetskog rata / Branka Boban. Zagreb : Alinea, 2006. 488 str.
11. *Rahten, A.* Saveznistva i diobe: Razvoj slovensko-hrvatskih politickih odnosa u Habsburskoj Monarhiji 1848.—1918. / Andrej Rahten. Zagreb: Golden marketing : Tehnicka knjiga, 2008. 302 str.

12. Povijest Hrvata: u 3 knj. Zagreb: Skolska knjiga, 2003.—2007. Knj. 2.: Od kraja 15. st. do kraja Prvog svjetskog rata / glavni urednici Mirko Valentic, Lovorka Coralic, 2005. 680 str.
13. *Перовшек, Ю.* Развитие национально-освободительных идей и концепций словенцев в 1848—1941 гг. / Юрий Перовшек // Словения. Путь к самостоятельности. Документы / Е. Ю. Гуськова (отв. ред.). М. : Индрик, 2001. С. 10—26.
14. Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj Konferenciji u Parizu 1919—1920 / Prired. Bohdan Krizman, Bohumil Hrabak. Beograd: Institut drustvenih nauka, 1960. 431 str.
15. *Аникеев, А. С.* Национально-территориальные проблемы в югославо-итальянских отношениях накануне и после Парижской мирной конференции / А. С. Аникеев // Восточная Европа после Версаля / И. И. Костюшко (отв. ред.) [и др.]. СПб.: Алетейя, 2007. С. 215—241.
16. Историца српске државности: в 3 кн>. / Ч. Попов (уредник). Нови Сад: Будушност, 2000.—2001. — Кн. 3.: *Димит, Л.* Србца у Југославци / Лзубодраг Димит. 2001. 472 стр.
17. История Италии: в 3 т. / редкол.: С. Д. Сказкин [и др.]. М: Наука, 1971. Т. 3 / И. С. Дорофеев (отв. ред.). 543 с.
18. *Alarti, P.* Nitti, D'Annunzio e la questione adriatica (1919—1920) / Paolo Alarti. Milano : Feltrinelli Editore, 1959. 544 p.
19. Коминтерн против фашизма. Сборник документов / Н. П. Комолова (отв. ред.). М. : Наука, 1999. 506 с.

20. *Culinovic, F.* Jugoslavija između dva rata: u 2 knj. / Ferdo Culinovic. Zagreb : Historijski institut Jugoslavске Akademije znanosti i umjetnosti, 1961. Knj. 2. 340 str.
21. *Povijest Hrvata: u 3 knj.* Zagreb: Školska knjiga, 2003.—2007. Knj. 3.: Od 1918. do danas / glavni urednik Ivo Perić. 2007. 496 str.
22. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов) / под ред. Р. П. Гришиной: в 2 ч. М.: Эдиториал УРСС; РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 1. 2000. 304 с.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 359. (М. М. Литвинов). Оп. 1. Д. 8 — Материалы о государственной деятельности Литвинова. Взаимоотношения РСФСР — СССР с зарубежными странами (Р — Ю).
24. *Krizman, B.* Italija u politici Kralja Aleksandra i kneza Pavla (1918.—1941.) / Bogdan Krizman // *Casopis za suvremenu povijest* (Zagreb). 1975. Broj 1 (17). Str. 5—32.
25. *Jugoslavija 1918.—1988.: tematska zbirka dokumenata* / priredili Branko Petranović, Momčilo Zečević. Beograd: Rad, 1988. 1445 str.
26. Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920—1939. Сборник документов / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М. : Наука, 2002. 483 с.
27. *Наумов, А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы / А. О. Наумов. М. : РОССПЭН, 2007. 416 с.
28. *Jareb, M.* Ustasko-domobranski pokret od nastanka do travnja 1941. godine / Mario Jareb. 2. izd. Zagreb : Školska knjiga, 2007. 665 s.
29. *Городецкий, Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Габриэль Городецкий. 2-е изд. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 384 с. (История сталинизма).
30. *Чубарьян, А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года / А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2008. 476 с.
31. *Семиряга, М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
32. «There is not enough killilig»: condemned to death, hostages, shot in the Ljubljana province: 1941— 1943 — documents / compiled by Tone Ferenc. Ljubljana: Institut za novejšo zgodovino : Drustvo piscev zgodovine NOB, 1999. 323 p.
33. Отношения СССР (России) с Югославией. 1941 — 1945: Документы и материалы / И. Б. Бухаркин (предс. ред. колл.) [и др.]. М. : Терра, 1998. 656 с.
34. *Ferenc, T.* Confinement, police raids and internment in the Ljubljana Province 1941.—1943. / Tone Ferenc // *Rab — Arbe — Arbissima: confinement, police raids and internment in Ljubljana Province: 1941.— 1943.: documents* / compiled by Tone Ferenc. Ljubljana: Institute for Contemporary History : Society of the Writers of the Liberation War in Slovenia, 2000. Str. 5—40.

35. *Zelic-Bucan, B.* Nezavisna Drzava Hrvatska (1941.—1945.): u mom sjećanju / Benedikta Zelic-Bucan. Split: Naklada Bosković, 2007. 165 str.
36. *Kisic-Kolanovic, N.* NDH i Italija: političke veze i diplomatski odnosi / Nada Kisic Kolanovic. Zagreb: Naklada Ljevak : Hrvatski institute za povijest, 2001. 469 str.
37. *Radelic, Z.* Hrvatska u Jugoslaviji 1945.—1991.: od zajedništva do razlaza / Zdenko Radelic. Zagreb: Školska knjiga : Hrvatski institute za povijest, 2006. 701 str.
38. Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / Е. П. Гусаров (предс. редкол.) [и др.]. М. : Междунар. отношения, 2000. 632 с.
39. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы: в 2 т. / МИД СССР. М. : Политиздат, 1983. Т. 1: 1941—1943. 542 с.
40. *Муссолини, Б.* Мемуары 1942—1943 / Бенито Муссолини. М. : Эксмо, 2004. 448 с.

41. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / ред. Ф Лоуэнхейм, Г. Ленгли, М. Джонас. М. : Терра, 1995. 800 с.
42. *Юнгблюд, В. Т.* Политика США в Югославии в 1941—1945 гг. / В. Т. Юнгблюд, А. А. Костин. Киров : Изд-во Вятского гос. гуманитар. ун-та, 2004. 240 с.
43. *Bajc, G.* Operacija Julijska Krajina: Severovzhodna meja Italije in zavezniske obvescevalne sluzbe (1943—1945) / Gorazd Bajc. Koper : Zalozba Annales, 2006. 474 str.
44. *Matkovic, H.* Povijest Nezavisne Drzave Hrvatske / Hrvoje Matkovic. 2. prosireno izd. Zagreb : Naklada Pavicic, 2002. 332 str.
45. *Нестеров, А. Г.* Итальянская Социальная Республика: Документы эпохи / А. Г. Нестеров. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. 246с.
46. *Kljakovic, V.* Problemi zapadne granice Jugoslavije u narodooslobodilackom ratu / Vojmir Kljakovic // Casopis za suvremenu povijest (Zagreb). 1975. Broj 1 (17). Str. 141 — 151.
47. Slovensko-italijanski odnosi 1880.—1956., porocilo slovensko-italijanske komisije / uredili Milica Kacin Wohinz, Nevenka Troha. Ljubljana : Nova revija, 2001. 163 str.
48. *Pupo, R.* Foibe / Raoul Pupo, Robert Spazzali. Milano : B. Mondadori, 2003. 253 p.
49. *Ballinger, P.* History in Exile: Memory and Identity at the Borders of the Balkans / Pamela Ballinger. Princeton : Princeton University Press, 2003. 328 p.
50. Советско-американские отношения. 1939—1945 / под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. Б. И. Жи-ляев, В. И. Савченко. М. : МФД, 2004. 792 с. (Россия. XX век. Документы).
51. СССР и германский вопрос. 1941 — 1949. Документы из АВП РФ: в 4 т. / Г. П. Кынин, Й.Лауфер (сост.). М. : Междунар. отношения, 1996—2003. Т. 1: 22 июня 1941 — 8 мая 1945. — 1996. 784 с.
52. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: в 6 т. / А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. М. : Политиздат, 1979—1984. Т. 1: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.): сб. док. 1984. 384 с.
53. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: в 6 т. / А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. М. : Политиздат, 1979—1984. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): сб. док. 1978. 175 с.
54. *Черчилль, У.* Вторая мировая война: в 3 кн., 6 т. / Уинстон Черчилль. М. : Воениздат, 1991. Кн. 3: Т 5—6. 702 с.
55. *Valdevit, G.* La questine di Trieste 1941 — 1954: Politica internazionale e contesto locale / Giampaolo Valdevit. Milano : Franko Angeli, 1886. 279 p.
56. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг.: Документы: в 2 т. / Т. В. Волокитина (отв. ред.). М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 1: 1944—1948 гг. 1999. 687 с.
57. *Гибианский, Л. Я.* Сталин и триестинское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны / Л. Я. Гибианский // Сталин и холодная война / А. О. Чубарьян (отв. ред.). М. : Наука, 1997. С. 44—62.
58. Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944—1945: Документы и материалы / В. А. Золотарев (предс. ред. колл.) [и др.] / А. Д. Ефремов (сост.) [и др.]. М. : Терра, 2000. Т. 14—3 (2). 688 с.
59. АВП РФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 06. П. 14. Д. 141 — Подготовительные материалы Комиссии Литвинова.

60. *Хормач, И. А.* СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х — первая половина 60-х годов: в 2 ч. / И. А. Хормач. М. : Ин-т российской истории РАН, 2005. Ч. 1: СССР — Италия и формирование блоков в Европе, 1943—1955 гг. 417 с.

61. *Аникеев, А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945—1957) / А. С. Аникеев. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002. 311 с.
62. *Ржешевский, О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945 / О. А. Ржешевский. М. : Наука, 2004. 564 с.
63. *Космач, Е. Н.* Политика США в отношении Югославии в 1943 — 1980 гг. / Е. Н. Космач. Минск : БГПУ, 2007. 336 с.
64. *Jareb, J.* Sovjetski dodiri s dr. Antom Pavelicem od rujna 1944. do veljace 1945. / Jere Jareb // *Casopis za suvremenu povijest* (Zagreb). 1995. Broj 1. Str. 7—32.
65. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 06. П. 14. Д. 149 — Материалы Комиссии Литвинова.
66. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг.: в 2 т. М. : Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998 / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. Т. 1: 1944—1948. 1998. 985 с.
67. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: в 6 т. / А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. М. : Политиздат, 1979—1984. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав (4—11 февраля 1945 г.): сб. док. 1979. 326 с.
68. Коминтерн и Вторая мировая война. [Документы]: в 2 ч. М. : Памятники исторической мысли, 1994—1998. Ч. 2: после 22 июня 1941 г. 1998. 597 с.
69. *Джилас М.* Беседы со Сталиным / Милован Джилас. М. : Центрполиграф, 2002. 221 с.
70. *Сальков, А. П.* Югославско-австрийские территориальные противоречия и СССР (40-е годы XX в.) / А. П. Сальков // *Вестник Московского университета. Сер. 8.* 2004. № 6. С. 3—20.
71. *Сальков, А. П.* СССР и Триестинский кризис (май — июнь 1945 г.) / А. П. Сальков // *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.].* Мінск : БДУ, 2009. Вып. 4. С. 118—131.
72. *Trgo, F.* Znacenje završnih operacija Jugoslavenske armije za sjedinjenje Istre i Slovenskog primorja s Jugoslavijom / Fabijan Trgo // *Casopis za suvremenu povijest* (Zagreb). 1975. Broj 1 (17). Str. 175—186.
73. *Mikolic, M.* Istra 1941.—1947.: godine velikih preokreta / Mario Mikolic. Zagreb : Barbat, 2003. 399 str.
74. *Димитров, Г.* Дневник. Март 1933 — февруари 1949. Избрано / Георги Димитров. София :Изток — Запад, 2003. 509 с.
75. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП (б)). Оп. 128. Д. 716 — Записки Отдела международной информации в ЦК ВКП (б) о позиции Югославии и Италии в вопросе о Триесте.
76. *Васильева, Н.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н. Васильева, В. Гаврилов. М. : Гея итерум, 2000. 480 с.
77. *Уэст, Р.* Иосип Броз Тито: власть силы / Ричард Уэст. Смоленск : Русич, 1998. 512 с.
78. *Wohinz, M. K.* Storia degli sloveni in Italia 1866—1998 / Milica Kacin Wohinz, Joze Pirjevec. Venezia : Marsilio Editori, 1998. 151 p.

## SUMMARY

In clause the reasons of origin, character of development and way of settlement of the Julian Region's crisis in 1918—1945 are investigated, in which were involved Soviet power, Yugoslavia, Italy, Great Britain, USA. This crisis was created threat of the large political and military conflict in Balkan after World War I and between the allies on anti-fascist coalition during World War II. Events of 1945 were the grate stage of the adjustment the long Yugoslavian-Italian national-territorial conflict in Istria (included Trieste) and Slovene Coastal Area. It, in turn, mentioned national interests of the USSR.



